

Шесть часов в воздухе, шесть часовых поясов и напрочь сбитые биоритмы. Больше 6000 километров от Москвы — до Северного полюса и то ближе. «Добро пожаловать в Якутию — некогда такое приветствие звучало как издевательство: в царское время этот край прозвали тюрьмой без стен. А сегодня туристы сами платят за то, чтобы его увидеть. **Точка отсчета**

- Долго ли ехать? — задумывается молодой якут Альберт, встречающий нас в аэропорту. — Не... Здесь на «долго» расстояний нет. Это он не про всю Якутию — все-таки самая большая в мире административно-территориальная единица. Это он про Якутск и окрестности. Сотня-две километров — не крюк. Местные реалии усваиваешь быстро: расстояния, время, температура — понятия относительные. Якутск старше Петербурга, основан в 1632 году отрядом казаков Петра Бекетова. Однако никакой приличествующей возрасту исторической застройки тут не осталось. Каменные купеческие дома и амбары по большей части снесли еще в 1950-х. От Якутска невольно ждешь экзотики, но внешне он мало отличается от 90% русских городов: дышат на ладан старые деревянные домики, рядом сияют сталью и стеклом торговые центры. Распланированные еще в советское время кварталы застроены советскими же безликими многоэтажками. Тут сносят старый барак, там расширяют дорогу, в аэропорту строят новый терминал... Впрочем, исторический облик города сейчас пытаются восстановить, так что деревянные торговые ряды и башня острога в центре на самом деле — новодел.

Дороги со стертой разметкой разбиты до невозможности. По ним рассекают, повинуюсь каким-то особым якутским правилам, потоки машин. Намек на экзотику в том, что машины эти, по большей части, — дорогие праворульные джипы. Все остальное по специфическим местным дорогам передвигается с трудом. Кроме якутянок: они бодро стучат каблучками по вспученному и изрезанному трещинами асфальту. Вспученный асфальт — чисто местная экзотика. Это вечная мерзлота выталкивает на поверхность все, что в нее когда-то несправедливо попало — вроде остатков бетонных свай или труб. Внедорожник Георгия Гаврильева, гендиректора туркомпании «Планета Якутия», уверенно переваливается по ухабам. Плавному течению разговора это не мешает.

- Возможности для туризма у нас тут самые разные. Сплавы по рекам, пешие прогулки, Царство вечной мерзлоты

Вечная мерзлота — это когда копнешь на пару штыков лопаты вниз, а там лед. И летом, и зимой. Местные издавна использовали пещеры в сопках как естественные холодильники. Потом продукты перекочевали в электрические морозилки, а из опустевших пещер сделали аттракцион — то самое «Царство».

- Откуда в основном приезжают?

- Да отовсюду. Из Иркутска, Новосибирска, Томска. Из Европы — Сибирь посмотреть. Китайцев много приезжает. Одна японка была, добралась до Полюса холода в доме на колесах. Так она из этого дома даже носа не высунула, не попыталась прочувствовать, что такое -60. Но все равно приехала! А представляешь, сколько дотуда ехать? Но мы по пути организуем остановки, показываем таежные красоты, интересные места. В Европе за такие «опции» давно бы дополнительные деньги брали, а у нас это обязательная часть программы.

Дистанция заброски от Якутска до легендарного Полюса холода в поселке Оймякон — около тысячи километров. Стоимость путешествия — 90000 рублей с человека. Но люди

едут. Из Москвы и Питера, впрочем, гостей пока немного. Цены на авиабилеты до Якутска — гигантские, как сибирская тайга, и нетающие, как вечная мерзлота.

Предчувствие цивилизации

- Зима у нас приходит внезапно и сразу, в сентябре, — сообщает Михаил Ефимов из туркомпании «Якутия», — Обычно бывает, что утром мороз не ниже десяти, а к вечеру как стукнет ниже тридцатника — уже дубленку надевай. Но и отпускает так же резко... Обычно в мае. Местное «тепло-холодно» — примерно как местное «недалеко»: если жара, то сорокаградусная, если мороз, то зашкаливает за пятьдесят. Самым удачным месяцем для путешествий считается март, когда на дворе вполне комфортные -30. Якутия, как и курорты Краснодарского края, привлекает своим экзотическим климатом. Со знаком минус. Но, в отличие от краснодарских курортов, одним туризмом республика не прокормится, несмотря на поддержку туристических инициатив на всех уровнях, от частного до правительственного..

- Жить очень сложно, тем более сейчас, — в голосе Елены Степановой, главного редактора вестника «Якутия Саха Сирэ сегодня», слышится неподдельная ностальгия. — В советское время была система обеспечения, авиация. Но в девяностые Гайдар сказал, что проще всех переселить, чем прокормить. Половина Тикси пустует: квартиру никто не купит, и люди просто бросают дома.

Сегодня в Якутию пришел большой бизнес. Глобальные инвестиционные проекты беспокойными фантомами витают в воздухе: прогрессивные разработки безграничных запасов полезных ископаемых от урановых руд до нефти и газа, от золота до алмазов. Тоннель через Берингов пролив, о важности которого рассуждали еще в царской России.

— Что это даст якутам? — задумчиво говорит Елена, делая ударение в слове «якуты» на последний слог, как здесь принято. — Свет, газ, электричество — цивилизацию. В городах сейчас люди живут хорошо: евроремонты, отопление. А ты знаешь, что треть домов в Якутии до сих пор отапливают дровами? Так что на большой бизнес большие надежды.

Некоторые проекты обретают плоть и прорастают дорогами и трубопроводами в глубины тайги. Прямо через заповедные земли, сенокосные и охотничьи угодья.

- В Якутск пришла железная дорога. Не бойтесь ее?

Ариан Петров, круглолицый якут с копной длинных седеющих волос, только что закончил ритуал благословения алгыс и надолго замолчал, обдумывая вопрос.

- Цивилизация... А зачем ее бояться? Она все равно придет...

Цивилизация, когда она придет, будет вынуждена подчиниться тысячелетним традициям якутской жизни — отопление за собой на улицу не вынесешь, в таком климате без человеческих отношений просто не выжить. Даже в «цивилизованном» Якутске об этом не забывают.

- Идешь зимой по улице, а тебе из окна проезжающей мимо машины показывают на нос — значит, отмерзать начал. Сразу начинаешь растирать, — смеется Елена Степанова. — Как нам друг без друга? Или придешь в магазин за мясом. Пока стоишь, обсудишь со всеми, что лучше брать, что вкуснее. Сама продавщица в разговор включится. Разве в Москве такое возможно?

От разговора и помощи здесь нельзя отказываться и на них не принято скупиться. Хотя это вовсе не означает, что якуты словоохотливы как уроженцы южных земель или

готовы распахнуть душу перед первым встречным.

- Якут по природе своей охотник, и все свои привычки и повадки он использует в обществе. Он может улыбаться, шутить, но в глубине души будет тебя изучать. Как поймет, что ты ему не враг, — откроется тебе, примет как друга.

- А если все же решит, что я ему враг?

- Тогда может и морду начистить — тут народ простой...

Хозяева тайги

Задержать туриста надолго современный Якутск не в силах. День-два, чтобы посмотреть самый северный в мире цирк, Объединенный музей истории и культуры народов севера с богатой коллекцией чучел и этнографический комплекс «Дом Арчыы». Для ценителей — Музей хомуса (он же — варган), опера и балет (они в Якутии очень даже хороши). Больше в столице республики, прямо скажем, туристу делать нечего. Время выбирать в тайгу. Тайга начинается сразу за сопками, окружающими город. - Это только для городского жителя так: зайдешь в лес, и как за стену попал, не знаешь, что тебя там ждет, — улыбается Роман Шавлов, совладелец эколого-этнографического комплекса Чочур-Муран.

Роман — мужчина в полном расцвете сил, с богатырской внешностью и таким же богатырским пузом. В Якутию перебрался из Курской области. Говорит, родители — художники-романтики — влюбились в эти края, а ему эта любовь передалась вроде как по наследству. Роман приглаживает густую бороду и продолжает:

- Вот ты каждый день ходишь из дома на работу, потом в магазин — мясной, молочный. Потом к маме в гости. И опять домой. Точки все одни и те же. У охотника в лесу так же. Он хорошо знает, что, например, лось кормится в березовом молодняке, и где у него дорожка, чтобы от комарья спастись, — где ветерок продувает. Посмотрел на солончаке — есть следы, лось здесь уже был, соли наелся. А значит, не вернется еще неделю. Охотник лес как книгу читает.

Мы стоим на берегу Лены, за спиной — стена тайги. Добираться сюда — «немножко плохой дороги» и по воде. Вероятность встретить человека близка к статистической погрешности. Но нам везет.

- Да я тут совсем недолго... Тридцать лет, — егерь Володя щурится так, что кустистые брови почти закрывают глаза. Он — та самая статистическая якутская единица плотности населения: один на 10 квадратных километров.

- Раньше летом свет был, а теперь дизель унесли, приходится керосинку жечь.

Телевизор у меня в Батамае есть, но на что он мне тут? У меня и так дел навалом: надо в пять утра встать, по заповеднику пройтись... километров двадцать пять. Потом сети проверить. Да еще и инспектора ездят, ловят. Видят меня — сразу на руки смотрят. Вот, говорят, сетями порезаны. А я им: это от ершей. Ага, конечно... Ну, инспектора дальше пошли. Смотрю, едут обратно: никого не поймали. Конечно — я всех ребят предупредил, они с сетей поплавки посрезали.

Володя хитро улыбается и упирает руки в бока. Вот, опять то же самое: 25 километров — «недалеко», 30 лет — «недолго». Другое измерение, свой закон.

- Больше всего не люблю пьяных. Приезжают из города, все крутые. Напьются и начинают орать: уволю, уволю! Я им тогда отвечаю — еще раз пикнешь, отправишься на мороз. Это ты у себя в городе большой начальник, а здесь я — хозяин тайги!

Ребра мира

- Посмотрите, вот там, на каменных стенах — как фрески... А это будто бы люди — две фигуры друг напротив друга... А здесь — словно замки... Экономисты и инвесторы, главы крупных компаний, журналисты и культурологи, которые еще пять минут назад обсуждали проблемы развития северо-востока России, высыпали на палубу корабля, идущего вдоль величественных Ленских столбов. Капитан ведет судно медленно, давая гостям возможность рассмотреть и сфотографировать это чудо природы. Теплоход швартуется, экскурсовод предупреждает, что тропа на вершину скользкая и крутая, подниматься не стоит. Но поднимаются все.

— В наше время таких ступенек не было. По склону карабкались, но теперь эта «тропа» закрыта, пишут: опасность камнепада.

В свои 64 года якутянка Ульяна Винокурова, проректор Арктического государственного института искусств и культуры, уверенно поднимается по скользким от недавнего дождя ступеням. Крутая тропа ведет на смотровую площадку. Женщина останавливается, чтобы перевести дух:

— Только что вернулась из Европы — совсем там ходить разучилась. На машине ездешь или в офисе сидишь, много ходить не надо.

Когда до вершины остается совсем немного, ступеньки становятся выше и круче. Но вдруг деревья расступаются, и мир вокруг будто делает вдох полной грудью. С многометровой высоты река Лена видна от берега до берега. Где-то внизу — еле различимые точки-домики, крошечный катер оставляет на водяной глади еле заметную полосу. Простор, который невозможно охватить ни взглядом, ни словом.

Внезапно с далеких скал срывается крупный черный ворон и летит к площадке. Мощная птица делает круг, другой, и пропадает из виду:

— Снимай, снимай, — подбадривает Ульяна Алексеевна. — Это добрый дух, он хочет, чтобы ты сделал хорошие снимки. Чтобы ты запомнил это место...

... Шесть часов в воздухе, шесть часовых поясов и напрочь сбитые биоритмы. Больше 6000 километров от Москвы, до Северного полюса и то ближе. Но если пейзаж по другую сторону иллюминатора не затянут плотной пеленой облаков, то одного взгляда вниз достаточно, чтобы понять: оно того стоило. Добрый дух может быть спокоен: такое не забывается.

Антон Агарков